

Дядя Ян с восторгом спросил Вэнь Жуна:

— Ты правда... стал цзюйжэнем?

— Конечно! — ответил Вэнь Жунь. — Всё это прислал уездный начальник. Сегодня пока разделим кое-что, а завтра я устрою пир для всей деревни — в честь моего успеха на экзаменах. Просто когда я переехал сюда, пришлось менять прописку, поэтому известие пришло с опозданием, и пир устраивается позже обычного.

Он вежливо поклонился женщинам — тётке Чжан, тётке Ян и тётке Цуйхуа:

— Прошу вас, дорогие тётушки, возьмите на себя хлопоты по организации! Пользуйтесь всем, что есть в доме — не стесняйтесь!

Теперь, когда у него появились деньги, Вэнь Жунь чувствовал себя уверенно и щедро поручил трём женщинам всё организовать.

Хотя он и говорил «вся деревня», на деле стариков и детей вместе набиралось чуть больше ста человек.

Одной свинины хватит за глаза, добавить немного курицы, утки, рыбы, овощей — и готово.

Подать рис — и это уже будет прекрасное угощение!

А уж две большие кадки вина точно не останутся нетронутыми.

— Ладно! Это дело на нас! — тётка Чжан энергично хлопнула себя по груди. — Обязательно всё устроим как надо!

Женщины, почувствовав себя важными и нужными, сразу оживились, засучили рукава — теперь уж точно всё будет на высшем уровне!

Рядом дядя Ян уже сиял во весь рот:

— Отлично! Прекрасно!

Больше он, похоже, и не мог вымолвить ни слова — настолько был потрясён.

Старик Чжан же был счастлив до слёз. Он крепко схватил Вэнь Жуна за руку:

— Сегодня Ляньхуаао наконец-то поднял голову! Раньше уездный начальник и речи со мной не заводил! Когда я ходил с начальником улицы Ма, он только наставления читал, а не беседовал по-домашнему. Да и в «собрании сельских старейшин» (сянлао) нас никогда не включали!

Вэнь Жунь знал об этом. «Сельские старейшины» были очень уважаемой должностью: обычно в каждом крупном селе выбирали по два-три человека. Но в Ляньхуаао таких не было — во-первых, потому что почти все жители были бывшими беглыми или переселенцами, а во-вторых — деревня была слишком маленькой.

Это не было тем стопроцентным селом с сотней дворов. Налоги они платили мизерные, и власти просто не обращали на них внимания.

Сама семья старика Чжана тоже не славилась учёностью: единственное, чем могли похвастаться, — сын работал управляющим в городской таверне.

После появления Вэнь Жуна в деревне даже дети начали учиться грамоте, и старик Чжан тоже понемногу поднабрался букв. Его сын двадцать лет проработал в городской таверне: начал мальчика на побегушках, стал официантом, потом старшим слугой, а в итоге дослужился до управляющего — на такое, по мнению семьи, «надо было целыми поколениями жечь благовония перед божками»!

Все эти годы сын тайком учился читать и считать, перенёс немало тягот и лишений.

Но и это — предел. Всё, что он мог дать односельчанам, — это место для ночлега в городе и сарай для лошадей или волов. Больше — никак. В прошлый раз, когда Вэнь Жунь пришёл с гостями в таверну, сын даже угощал их двумя блюдами за счёт заведения.

А теперь у Ляньхуаао появился настоящий цзюйжэнь!

Господин цзюйжэнь!

Целый цзюйжэнь!

Старик Чжан был так взволнован, что, если бы повозки ехали быстрее, он, наверное, уже взлетел бы от счастья!

— Дядя Чжан, не волнуйтесь так! — Вэнь Жунь неловко попытался вытащить свою руку.

Но не получилось.

Ну конечно: как может хрупкий учёный, привыкший только к кисти и бумаге, противостоять силе старика, всю жизнь проработавшего в поле?

— Ты ведь теперь наш, ляньюаовский цзюйжэнь? — всё ещё не веря, уточнил старик Чжан.

— Конечно! — твёрдо ответил Вэнь Жунь. — Я переехал сюда, перевёл прописку в Ляньхуаао — и именно здесь стал цзюйжэнем. Так что я — цзюйжэнь Ляньхуаао!

Это было важно подчеркнуть — он чувствовал, как сильно это волнует старика.

— Отлично! Прекрасно! Великолепно! — Глаза старика Чжана наполнились слезами. — Ляньхуаао наконец-то вышел в люди! Вышел в люди!

Остальные тоже ликовали. Несколько рыбаков тут же побежали домой за сетями — прямо сейчас идти ловить рыбу на пир!

Толпа разошлась в приподнятом настроении, дети с наслаждением жевали сладости.

Остались только старик Чжан и дядя Ян. Вэнь Жунь пригласил их в дом поговорить.

Усевшись на канге, он налил им воды. Чая в доме не было — хотя, наверное, он был среди подарков, но сейчас не время его открывать.

— На самом деле, поездка в уездный город была связана именно с делом о звании, — начал Вэнь Жунь. — Я сказал всем, что задержка из-за смены прописки, но правда в другом...

И он рассказал им всю историю.

В этом мире, несмотря на воспоминания прежнего «я», у него не было ни родных, ни надёжных союзников. В трудную минуту «ближний сосед лучше дальнего родственника» — и он решил довериться этим двум людям.

— Раз уж так вышло, не стоит копать дальше, — мудро сказал старик Чжан. — Бедному не тягаться с богатым, простому люду — не спорить с чиновниками.

Он прожил долгую жизнь и лучше дяди Яна понимал законы этого мира. Тот, хоть и кипятился, но промолчал.

— Неужели придется смолчать и забыть? — всё же не сдержался дядя Ян.

— А что ещё можно сделать? — Вэнь Жунь улыбнулся. — Не злитесь, дядя Ян. На самом деле всё сложилось неплохо: звание вернули, да ещё и столько добра привезли.

Он умолчал и о пятистах лянх серебром с лавкой от уездного начальника (ведь ни денег, ни

документов он так и не увидел), и о золотых слитках от господина Чжана.

— А от моего гнева толку-то? — вздохнул дядя Ян. — Ты всё равно в накладе.

— Иногда убыток — это и есть выгода, — мягко возразил Вэнь Жунь. — Посмотрите, сколько всего привезли — хватит надолго.

Старик Чжан тоже счёл, что всё сошлось удачно.

Тут Вэнь Жунь перешёл к главному:

— Даже если цзюйжэнь не идёт на службу, он получает государственное содержание и может давать «покровительство» другим: освобождать их от налогов и повинностей.

Один цзюйжэнь имеет право на освобождение от налогов 200 му земли и от трудовых повинностей — 20-30 дворов. Даже если он просто «повесит» эти квоты на других, доход будет немалый. Как бы ни жил человек бедно раньше, став цзюйжэнем, он сразу превращается в местного богача.

— Столько выгод?! — обрадовался дядя Ян. — Тогда старайся дальше сдавать экзамены! Станешь цзиньши — и точно получишь должность!

Вэнь Жунь рассмеялся:

— Да где уж там, дядя Ян! Чтобы сдать экзамены на цзюйжэня, мне пришлось пройти через столько испытаний — а на цзиньши? Так я и вовсе полжизни потеряю!

В ту эпоху звание цзиньши по уровню знаний приравнялось к современному доктору наук из Цинхуа или Пекинского университета. Даже среди цзюйжэней лишь один-два в уезде могли претендовать на такой уровень; три-пять — уже считалось исключительным успехом для «верхнего» уезда.

Цзиньши было крайне мало, да и сами столичные экзамены требовали огромных расходов. Зато после получения звания начинали службу примерно с должности заместителя уездного начальника, часто сразу назначали уездным начальником. Это были кадры, которых государство готовило в первую очередь. При таланте и удаче можно было дослужиться до губернатора, министра или даже великого секретаря.

Но такие амбиции были явно не для Вэнь Жуна.

По его расчётам, даже с одним лишь званием цзюйжэня можно спокойно прожить всю жизнь в уважении и достатке.

— Ты к чему это всё? — спросил дядя Ян, чувствуя, что речь идёт о чём-то важном, но не до конца понимая. А вот старик Чжан уже насторожился.

— Я думаю так, — сказал Вэнь Жунь. — В Ляньхуаао и так мало дворов — меньше тридцати. Я хочу взять всех под своё покровительство: освободить от налогов и повинностей.

Это был лучший выход, который он мог придумать.

К тому же, заняв все квоты, он перекроет дорогу своим родственникам из Вэньцзячжуаня — пусть не приходят сюда требовать «прав на наследство».

По воспоминаниям прежнего «я», люди из Вэньцзячжуаня были далеко не ангелами.

— А какие у тебя условия? — спокойно спросил старик Чжан, не обнаружив в голосе ни восторга, ни жадности. Он слишком хорошо знал: «с неба пирожки не падают».

Дядя Ян замолчал — это уже было не его дело.

— Условия простые, — объяснил Вэнь Жунь. — Я беру лишь половину обычного налога — полностью освободить нельзя: «милость в мере — добро, милость без меры — вражда». Ещё я собираюсь строить новый дом. Надеюсь, вы поможете с работой — я обеспечу едой, но платить не смогу.

Он уже прикинул всё в уме:

— Школа будет работать как раньше. Просто дом я хочу построить побольше.

Ему давно не нравился этот сырцовый дом. Нужен был настоящий — из обожжённого кирпича и черепицы.

Да и младшие братья уже подрастали: через несколько лет им пора будет жениться — а для свадеб нужен достойный дом!

Ещё нужно было копить приданое для младшей сестры.

А главное — с этой компенсацией он наконец сможет построить настоящий дом и... изменить свой «дворовой статус»!

«Дворовой статус» (мэньху) — это, по сути, внешнее выражение положения семьи в иерархии. Уже по одному лишь входу можно было определить, насколько знатен и богат дом: узор на каменных наличниках, количество облаковидных орнаментов, ширина и количество пролётов

ворот, глубина двора, форма и материал дверных штырей, гвоздей, подпорок, дверных колец, изображений божеств-хранителей (фу шоу), даже цвет ворот — всё это строго регламентировалось по рангам. Опытный глаз сразу видел, каков «фундамент» семьи.

Самый известный пример — бедняки и простолюдины обычно имели ворота из бамбука или грубых жердей, сколоченных в ряд. Такие ворота поэтично называли «chai fei» — «двери из хвороста».

Но стоило кому-то в семье сдать экзамены и стать суйцаем — и «хворостовые двери» тут же заменяли деревянными, дабы показать: «мы уже не те».

А если становился цзюйжэнем — деревянные ворота обязательно меняли на более высокий ранг: с наличниками, перемычками, украшенными резьбой, словно миниатюрный домик. Отсюда и пошло выражение «изменить дворовой статус» (гай ли мэньху).

Теперь, став цзюйжэнем, Вэнь Жунь имел полное право и средства построить достойный дом с прочными воротами и высокой стеной — и не только ради престижа, но и ради безопасности: зимой дикие звери иногда нападали на дома.

Всё это ему предстояло спроектировать самому. Нанимать чужих рабочих было рискованно — не знал он их, да и дети в доме... Кто знает, какие у них замыслы?

Лучше крепко связать себя с односельчанами. Если кто-то посмеет его обидеть — вся деревня встанет на его защиту. Он уже проверил это на примере тёти-второй-жены: в древности и правда царили хорошие нравы! Если деревня едина — никто не посмеет лезть в неё с претензиями.

Он не только учил их детей, давая им шанс на лучшее будущее, но и даровал им реальную выгоду. Пусть все крепко держатся за него! Кто осмелится тронуть семью Вань — тот узнает, что такое «народное море»!

— Это отличная затея! — обрадовался старик Чжан. — Половина налогов — уже огромная милость, а повинности? Да у тебя в доме и дел-то особых нет! Это же проще простого.

— И не надо будет зимой чистить русла! — ещё больше обрадовался дядя Ян.

В их краях было много рек, а самая большая — главная судоходная артерия, по которой ходили корабли с севера на юг. Каждую осень, в межень, власти обязывали окрестные деревни присылать людей на расчистку ила и углубление фарватера. Иначе весной потоки с верховий принесут ещё больше песка, и судоходство прекратится.

Один участок канала относился к уезду Юннень, и каждые несколько лет на него назначали целую деревню. Деревни ходили по очереди.

В других деревнях людей много — справляются за полмесяца. А в Ляньхуаао — мало. Даже если все, включая стариков, работают изо всех сил, уходит целый месяц — и то лишь к самому ледоставу, еле-еле успевают.

Работа эта — адская: холод, вода, грязь. Какие бы тёплые одежды ни надели — всё равно промокнешь до костей. Приходится каждый день пить имбирный отвар, чтобы не свалиться с простудой. Без крепкого здоровья там не выжить!

А ведь даже если не попадётся на расчистку канала — другие повинности всё равно ждут: строительство городских стен, ремонт почтовых станций и дорог, укрепление дамб, перевозка зерна... Всё это тяжёлый, бесплатный труд, обязательный по закону.

И вот теперь Вэнь Жунь предлагает: вместо этого — просто поработать у него дома! Да ещё и с горячей едой!

Разумеется, дядя Ян и другие были в восторге.

К тому же, на государственные повинности люди шли за свой счёт — еду брали с собой. А у Вэнь Жуна кормили! Пусть даже просто рис с овощами — но горячий, домашний!

И главное — рядом с домом, без лишних мучений. Какие уж там дела у Вэнь Жуна? Постройка дома? Так на стройку и так все придут помочь — это же общее дело!

Да и одно то, что он учит их детей грамоте, уже делает его «святым» для всей деревни.

— Я хочу завтра, за обедом, всем объявить, — сказал Вэнь Жунь. — Все же соберутся.

— Лучше тогда, когда за стол сядут главы семей, — посоветовал старик Чжан. — А послезавтра уже жатва — начнётся уборка урожая.

Уборка урожая — дело святое, нельзя терять ни дня. Семья Ван земли не обрабатывала, им это не грозило, но остальным — очень.

Весной сеют, летом ухаживают, осенью жнут, зимой хранят — таков круг жизни земледельца.

Труд тяжёлый, и передышка бывает разве что зимой.

— Хорошо, завтра за обедом и скажу, — согласился Вэнь Жунь. — Пусть порадуются.

На самом деле больше всех радовался именно старик Чжан. Для Ляньхуаао повинности всегда были тяжким бременем. В богатых деревнях могли даже выкупить освобождение от

повинностей деньгами, но Ляньхуаао был беден — никто не мог себе этого позволить.

Зато силы у крестьян были — «одно только и осталось».

— Отлично! — Вэнь Жунь облегчённо вздохнул. С одобрения старика Чжана дело можно считать решённым на восемьдесят процентов.

Дядя Ян кивнул на карету за окном:

— А коня твоего я на пару дней у себя подержу. Построишь конюшню — тогда и забирай.

— Отлично! — обрадовался Вэнь Жунь. Он и сам не умел ухаживать за лошадьё. Неужели поручать это мальчикам?

<http://bllate.org/book/15642/1398049>